

Борис Гребенщиков не любит петь старые песни

Проехав всю Россию, рок-гуру записывает новый альбом

Общая газета. — 1999. —
— 8-14 июля. — с. 10

— Как будет называться ваш новый диск?

— Об этом еще рано говорить, работа только началась. Перед этим я со своими музыкантами проехал всю страну — от Владивостока до Кенигсберга. Эти впечатления надо еще как следует переварить и осмыслить. Это серьезная работа.

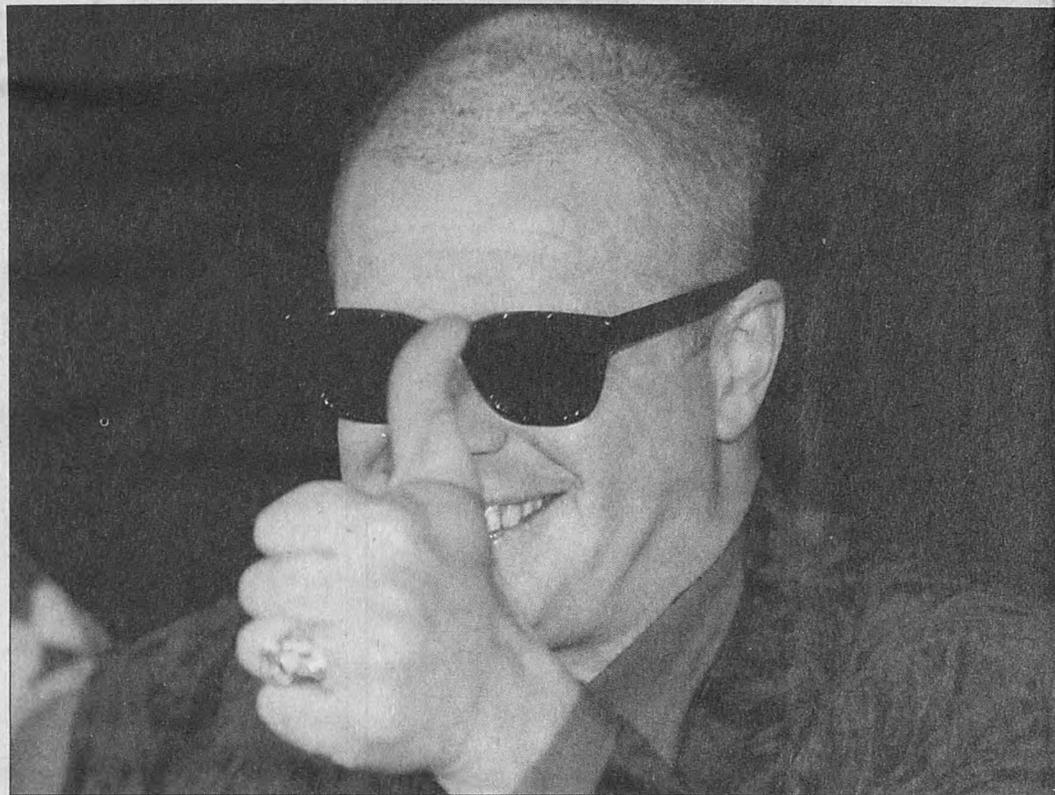
— Можно ли сегодня всерьез говорить о русском роке?

— Все вернулось на круги своя, и прежде всего свирепствует... цензура. Да, да, не удивляйтесь: по самому пошлomu принципу — кто платит, тот и заказывает музыку. А сословие «толстых кошельков», во-первых, невежественно и, во-вторых, выросло из всего советского. С сегодняшним роком меня примиряет лишь то, что качество игры наших музыкантов возросло. Однако знакомство с мировой культурой для них считается не только не обязательным, но просто вредным. Так что я и мои соратники опять попали в положение отщепенцев. И это нас радует.

— Неужели в ту эпоху вам было комфортно жить?

— Я вообще-то легко приспосабливаюсь к обстоятельствам. Но довольно скоро что-то начинает меня побуждать к поступкам, которые разрушают то, к чему я приспособился. Любая попытка быть нормальными в ненормальном мире воспринимается этим миром как отклонение от нормы. В 80-м меня выгнали из университета и комсомола за «неадекватное» выступление на фестивале в Тбилиси. Нам инкриминировали безобразный текст и музыку, а то, что я выступал в пиджаке и галстук, расценили как «издевательство» и неуважение к советской власти. Но зато я пополнил собой институт сторожей и дворников, превратив «подпольную» музыкальную деятельность в настоящую профессию.

— В конце 80-х вы восприняли

Петр КАСИН

популярность как долгожданную победу?

— Я тогда чуть не пропал — был совершенно не готов к такому вниманию. Но я даже не успел порадоваться собственной «звездности». Меня спасло то, что я получил предложение поехать в Америку, чтобы записать альбом с фирмой CBS. Естественно, все бросил, рванул и... опять очутился в положении, когда все надо начинать с начала. С тех пор живу по схеме: надо всегда хотеть начать с нуля.

— Сколько вы пробыли в Америке?

— Полгода. Записал пластинку, сказал: «Знаете, ребята, не могу я жить в вашей провинции, меня в Англии ждут». Чем сильно испортил себе репутацию в Аме-

рике. Год я прожил в Англии, писал песни впрок. Я же воспитывался на «Битлз», мечтал проникнуть в английский рок изнутри.

— Вы довольно много рассказывали о своих религиозных исканиях — от православия до буддизма. Каковы сейчас ваши взаимоотношения с религией?

— На мой взгляд, принадлежность к той или иной религии — это ярлык. Человек представляет себе, каким должен быть мир, и пытается прийти к этому идеалу через ту или иную религию. Кто-то из древних китайцев сказал, что религия — это университет любви. Но каждый университет положено оканчивать и сдавать экзамен, получать диплом и жить нормальной жизнью. В бога надо

не только верить, но всегда быть с ним одним целым. Последнее время я перевожу с английского языка «Тибетский трактат о буддизме».

— Вы не только переводите с английского, но и поете на этом языке. Почему, по-вашему, в советское время запрещали английский рок, но разрешили французских шансонье?

— У французского много печали, драмы, социальных моментов — это подходило нашим идеологам. Кроме того, единственный дозволенный нам в то время протест — завести на стороне роман — был близок французскому духу. Наше сходство с французским шансоном: помучаемся красиво, в этом и заключается жизнь. А в англоязычной поп-музыке нико-

гда не было драмы, один бьющий через край оптимизм.

— Ваша любовь к Англии неизменна?

— И я, и моя дочь Василиса считаем, что Лондон — лучшее место в мире. Я там долго жил, часто приезжаю туда работать, но я освободился от этого города. Это не значит «разочаровался». Просто я понял, что человек всю свою жизнь ищет Эльдorado, Эдемский сад или живет химерой, что где-то существует земля обетованная. Лондон был для меня такой иллюзией долгое время. Но сегодня, по-моему, вместо того чтобы жить в Ижевске и мечтать о Париже, надо ехать в Париж и жить там, пока не убедился, что Париж — тот же Ижевск.

— Нет ли в этом ответе некоторого снобизма: ведь то, что доступно вам, для других нереально?

— Для здорового человека, где бы он ни жил, доступно все. «Неделание» свидетельствует о недостаточном желании или страхе потерять привычное. От вечной тоски по недоступному излечивают только собственные впечатления и личный опыт. Жизнь любого человека — самоосвобождение от очередной идеи, от идеала, от мечты. В конце концов наступает момент, когда рваться больше некуда. Тогда мир перестает делиться на клетки. Сегодня у меня нет времени застревать в других странах. В нашей стране слишком много городов, где нас ждут и хотят слышать. Мне легче жить в России: работать, отдыхать, уезжать и приезжать. Иногда я даже не успеваю распаковать чемодан.

— Солженицын советовал ничего с собой не брать в дорогу, кроме знаний. В чем заключается ваше знание?

— В определенном отношении к миру. Я стараюсь не забыть взять с собой свое мироощущение. Именно благодаря ему у меня получается то, что получается: я ведь обыкновенный средний

человек, не умеющий толком ни петь, ни сочинять, ни играть на гитаре. Но, в отличие от большинства моих коллег, я — взвешенный человек, во мне нет душевного наллома.

— Какой период в вашей жизни был самым «взвешенным», то есть счастливым?

— Я был счастлив, когда был невежествен. Чем дальше, тем я несчастней, тем больше мучаю себя и своих музыкантов. Члены моей группы говорят: «Слушай, ведь раньше было просто, легко». Но, хотя вопрос о том, чтобы уйти, стоит передо мной очень остро, я не могу себе этого позволить. Мои музыканты для того, чтобы нормально жить, должны каждый месяц давать по 6–10 концертов.

— Ваши песни узнают по первым строкам, первым нотам. Вас это радует?

— Слушатели должны не узнавать, а удивляться. Если узнают, значит, я попал в колею эстрадной музыки. Я очень не люблю петь старые песни: на любовь могу ответить только чем-то новым. Поэтому так часто расстаюсь с музыкантами. Мне этого не прощают.

— Вас волнует будущее России? Не пытаются ли вас привлечь сторонники какой-нибудь партии?

— Бедлам продолжается в России так много сотен лет, что это стало национальной чертой. И в обозримом будущем лучше не станет. Тот, кто хочет стать лучше, должен надеяться только на себя. Мне кажется, это разумно: там, где рыбок вперед делает все общество, оно начинает разлагаться. Выходит, в нашем отставании от так называемой цивилизации не все так плохо. Меня самого никогда не приглашали в политику, виной тому — моя репутация скандалиста. А если бы позвали, я бы лучше уехал в Тибет жить в пещере.

Беседовала
Виктория ГАНЧИКОВА